

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8:81

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-62-67

Богданова Т.В.

Московский государственный областной университет

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА *LIFE / DEATH* В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. ХЕМИНГУЭЯ «ФИЕСТА И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ» («FIESTA AND THE SUN ALSO RISES»)

Аннотация. В статье проводится обзор современных точек зрения на аксиологическую составляющую концепта, анализируются способы его изучения, определяются основные термины, раскрываются лингвокультурные особенности концепта *Life / Death* на примере романа Э. Хемингуэя «Фиеста и восходит солнце». Проводится исследование словарной базы изучаемого концепта, обосновываются его доминирующие характеристики; особое внимание уделяется поиску слов, вербализирующих аксиологический аспект изучаемого концепта в заявленном романе. Особое внимание в работе уделено анализу романа и выявлению семантического поля доминирующего концепта, выявлению его ядра, ближней и дальней периферии.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, ценностная картина мира, аксиологическая составляющая концепта, концептосфера, интерпретация.

T. Bogdanova

Moscow State Regional University

AXIOLOGICAL COMPONENT OF THE LIFE/DEATH CONCEPT IN THE SPACE OF A LITERARY TEXT BASED ON ERNEST HEMINGWAY'S NOVEL «FIESTA AND THE SUN ALSO RISES»

Abstract. A review of modern viewpoints on the nature of axiological component is given, methods of this component study are analyzed and the basic terms are defined. The linguo-cultural characteristics of the *Life / Death* concept, based on the analysis of Ernest Hemingway's «Fiesta and The Sun Also Rises» are described. The research of the concept vocabulary base and justification of dominant characteristics are presented. The study is focused on finding words expressing axiological aspect of investigated concept in the novel. Special attention is paid to the analysis and identification of the semantic field of the dominant concept and identification of its core and close and far periphery.

© Богданова Т.В., 2015.

Key words: concept, language world-view, value world-view, axiological component of concept, sphere of concept, interpretation.

Внутренний мир человека, особенно его когнитивная сфера, находит максимальное отображение в лингвистической системе. Отражённые сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений наиболее полно зафиксированы в языке, который выполняет своего рода функцию интеграции ценностей и их своеобразного тестирования.

Если следовать логике данного мышления, то можно заключить, что в языке закрепляются только те понятия, которые прошли проверку на качественность. При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Всё происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа «добро – зло», «хорошо – плохо», «свет – тьма», т.е. объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия / несоответствия норме.

Категория *ценность* столь же универсальна, как и категория *истины*. Ценности – элемент любой деятельности, а значит, и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала [7]. Ценности существуют в культуре любой нации и имплицитно составляют ценностную картину мира (ЦКМ), как часть языковой картины мира (ЯКМ). «Лингвистически они могут быть описаны в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме» [4, с. 117].

В.И. Карасик утверждает, что культурный концепт по своей сути имеет

ценностную, образную и понятийную стороны, и приводит определение *ценности* – как «важности психического образования, как для индивидуума, так и для коллектива» [5, с. 10].

Концепт являет собой представление ценности, существующей в национальном сознании. Выявление общих и частных черт культуры нации не представляется возможным без оценки и параметров аксиологической картины мира (АКМ). Вопрос о наличии аксиологической составляющей концепта до сих пор дискутируется и не получил однозначного заключения. Так, в новой философской энциклопедии под *ценностью* понимается «одна из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности...» [7, с. 320–321].

Признавая уникальность ценностного «измерения» концепта, С.Г. Воркачев полагает, что оно «вряд ли предоставит материал для собственно лингвистического исследования, поскольку не имеет анализируемых специфических средств выражения и не является универсальным» [2, с. 6]. В пространстве художественного текста аксиологическая составляющая существует не самостоятельно, а образует общую канву описания или рассуждения. При этом она уместно и органически связана с дескриптивной стороной текста в целом. Оценка расставляет объекты по местам в ценностной картине мира (ЦКМ), определяя их взаимодействие» [1, с. 204].

В художественном тексте оценка проявляется, как правило, комбинационно, разными языковыми ресурсами и составляющими частями ЦКМ.

Художественный текст представляет собой разновидность систем, в которую входят произвольные знаки, подчиняющиеся определённым правилам (коду) и приобретающие в связи с этим текстовый смысл, что в значительной степени контролируется авторским намерением, связанным с необходимостью использовать систему правил, «отличных от соответствующих правил обиходного языка» [6, с. 608].

При анализе способов выражения оценки одной из центральных является проблема связи оценки и её интерпретации. Её структура может быть различной в зависимости от того, на какой аспект она ориентируется.

В построении ЯКМ участвуют все компоненты языкового сознания. Однако неповторимость национально-универсума народа определяется, прежде всего, работой логико-понятийного и нравственно-ценностного компонента сознания, что находит отражение прежде всего в национальной литературе.

Большой вклад в осмысление понятия **развитие текста** внесли такие учёные-лингвисты, как И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, И.В. Арнольд. Проблема верности, адекватности интерпретации всегда была в центре внимания лингвистов, являясь предметом множества дискуссий.

Любой процесс интерпретации художественного произведения основан на сравнении его с окружающей действительностью, предполагая тем самым наличие некоторой дистан-

ции между литературным текстом и реальным миром, между искусством и жизнью. Поэтому более обоснованным является предположение, что интерпретация – это не один простой акт сложения суммы значений слов. Интерпретация подразумевает несколько взаимосвязанных этапов анализа и синтеза.

В нашей интерпретации ценность – это осознаваемая личностью связь между предметами и / или ситуацией, меньшей по отношению к ситуации большей. Чтобы осознать смысл, необходимо выйти за рамки ситуации, процесса, явления и войти в контекст ситуации более широкой. Таким образом, каждая жизненная ценность входит по вертикали в определённую иерархию жизненных ценностей, где каждый последующий элемент – всё более общий, более глубокий и всеобъемлющий. И, соответственно, последняя ценность на вершине этой иерархии или пирамиды ценностей – *ценность / смысл жизни*.

Часто для определения точной оценки, выставленной автором, не хватает точности перевода, ведь перевод – это фактически творческое переосмысление сказанного одним человеком, одним носителем культуры, другим – представителем иного лингвокультурного сообщества. В связи с этим мы избрали для анализа оригинальное произведение.

Обратимся к роману Эрнеста Хемингуэя и исследуем аксиологическую составляющую концепта *Жизнь / Смерть* как одну из ключевых в романе. На первый взгляд, сюжет сводится к описанию поездки компании друзей в Испанию. Завораживающие картины рыбной ловли, прекрасной погоды,

жестоких боёв быков никого не оставляют равнодушным: ни героев, ни читателя. Постфактум оказывается, что это всего лишь ширмы, за которыми скрываются трагедии главных героев. Война, тяжёлое ранение наложили отпечаток на их жизни. Они мечутся в поисках счастья, но счастье, будто намеренно, ускользает из рук. С наступлением темноты боль лишь усиливается и усугубляет немыслимость жизненной ситуации, в которую они попали. Однако с наступлением дня, а именно когда восходит солнце, вновь возрождается надежда на лучшую жизнь.

Следует отметить, что поскольку в романе Э. Хемингуэя «Фиеста и восходит солнце» читателю предстаёт мир Испании глазами американца, то необходимо обратиться к испанской ЯКМ и, следовательно, к испанским толковым словарям. Испанский толковый словарь даёт следующие дефиниции понятия *жизнь* (*Vida*): 1) '**жизнь, существование**'; 2) 'образ жизни, быт'; 3) 'жизненность'; 4) 'жизненная сила, бодрость, живость', *pleno de vida* – 'полный жизни, жизнерадостный'; 5) '**источник жизни (радости, счастья)**'; 'блаженство'; 'ласковое обращение'; 6) 'человек, живое существо'; 7) 'жизнеописание, биография (жития святого)' [3].

Словарные дефиниции понятия *Life* частично совпадают во всех трёх рассмотренных языках (испанском, американском, русском), совпадения выделены жирным шрифтом.

Анализ словарных дефиниций позволяет сделать вывод о том, что автор опирается на семантические компоненты, конституирующие более глобальное понятие *Life* в произведении.

Фиеста – это некий *пир жизни* в представлении испанской языковой картины мира. Основной аксиологической характеристикой концепта «жизнь» является положительная оценка состояния бытия, пути, который суждено пройти каждому человеку.

Развёртывание семантического потенциала вербализующих концепт *Life* лексем обнаруживает, что американцы не верят в судьбу и предначертанность, стараются быть оптимистами, не унывать перед лицом неудач. Автор проанализированного романа верит, что нести ответственность за свои действия и за свою жизнь может только сам человек, что, в свою очередь, находит отражение в удивительном по глубине сравнении: *as sure as a fate* (Э. Хемингуэй).

Как показывает контекст изученного произведения, концепт *Life* вербализуется прежде всего за счёт оппозиций *day – night, sun – moon* как чисто физическое понимание смены / чередования дня и ночи, солнца и луны.

Интересен следующий пример из произведения Э. Хемингуэя «Fiesta and the Sun Also Rises»:

I turned off the light and I tried to go to sleep. It was not necessary to read any more. I could shut my eyes without getting the wheeling sensation. But I couldn't sleep. There is no reason why because it is dark you should look at things differently from when it is light. The hell there isn't! [9].

Первоначально употреблённая ЛЕ «light» выступает в своём основном значении – 'источник света'. Далее происходит некий сдвиг, наращивание значений – гиперсемантизация. На фоне противопоставления ЛЕ *light – dark* развивается вторая синонимическая параллель *dark = hell. The hell there*

isn't – данное экспрессивное, поддержанное инверсией, гиперболическое высказывание выражает всю глубину накала эмоций. Тьма ассоциируется с апатией, унынием, с невозможностью продолжения жизни. Ценностные ориентиры не имеют прежнего смысла, в то время как свет – это всегда надежда на лучшую жизнь. Примечательно ис-

пользование ЛЕ *differently* – ‘unusually, not like other things’ [10, с. 408].

Концепт состоит из ядра, зоны ближайшей / дальней периферии и непременно присутствующей характеристики, т.е. аксиологической составляющей. Концептосфере можно представить следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Концептосфера романа с ядром *Life*

<i>Life</i> – core (ядро)		
Positive connotation (положительная коннотация)	Negative connotation (отрицательная коннотация)	Type of periphery: close or far (тип периферии: ближняя или дальняя)
day	night	Close periphery (ближняя периферия)
live	die	
life	death	
sun	moon	
fiesta	day	
celebration	end	
road	hole	Far periphery (дальняя периферия)
light	darkness	
glory	shame	
life	hell	
love	Hate	
happiness	bitterness	
luck	failure	

Как показало проведённое исследование, оценка жизни и смерти – едва ли не центральная мировоззренческая тема для научного и обыденного сознания. Сравнительные сочетания с искомым компонентом *life* в изучаемом романе демонстрирует отношение к жизни как к чему-то вечному, непреходящему, неизменному: *large as life, life is stronger than fiction*. Аллитерированное сравнение с основанием *large*, ‘bigger than usual in size’ [10, с. 844], показывает необъятность изучаемого понятия. Как проиллюстрировано во втором примере (*life is stronger than fic-*

tion), *жизнь* противопоставлена понятию *фантазия, выдумка*.

В эпоху великих исторических перемен в Америке жизнь ценили как данность, как факт. Отдать жизнь во имя благородной цели, идеи считалось долгом каждого достойного члена общества, что демонстрируется в романе «Fiesta (The Sun also rises)»: *Better a glorious death than a shameful life*. ЛЕ *Life* и противопоставленная ЛЕ *Death* сужаются в значении за счёт противопоставленных эпитетов *glorious* – ‘very beautiful in a way that makes you feel happy’ [10, с. 639], *shameful* – ‘so bad that

you feel ashamed of it' [10, с. 1365]. Примечателен тот факт, что большинство выявленных компонентов концептосферы с ядром *Life* находятся в различных дистрибутивных моделях с использованием сравнительной степени сравнения прилагательных, что может свидетельствовать о необъятности, сложности для человеческого понимания этого концепта, постижимого только за счёт сравнения.

Смерть и *Судьба* суть взаимосвязанные категории; они могут сливаться до отождествления, а могут и расходиться, образуя в жизни сознания противоположные полюса. Их позиции по отношению друг к другу, как и та роль, которую они играют в процессе распространения субъекта в собственном духовном пространстве, зависят, в конечном счёте, от уровня усилий, прилагаемых людьми для выхода за границы наличного бытия. Поскольку такой выход определённо связан с личностным «самостроительством», постольку судьба и смерть служат мерами личности в человеке [8, с. 34–37].

Обе рассматриваемые категории сосуществуют прежде всего в культурном поле или, пользуясь терминологией Д.С. Лихачёва, – в концептосфере. Оставаясь, однако, «внутри» ККМ, *жизнь* может быть отождествлена со *смертью*. Именно по этой причине авторы романов так часто проводят оппозиции *жизнь – смерть*, *свет – тьма*, *добро – зло*. «Смерть аккумулирует Судьбу, что делает возможным определять первую в пространстве культуры как судьбу» [8, с. 34–37].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. М.: Парадигма, 2002. 400 с.
3. Испанский толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/diccionarios/> (дата обращения: 19.08.2015).
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
7. Новая философская энциклопедия. Изд. 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 19.08.2015).
8. Стрелков В.И. Смерть и Судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 34–37.
9. Hemingway Ernest. Fiesta (The sun also rises). СПб.: Антология, КАРО, 2009. 288 с.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Ed. by M. Rundell. 2nd ed. Oxford: Macmillan, 2007. 1748 с.